

**ЖИЗНЬ, ВСЕЛЕННАЯ
И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ**

Глава 1

Каждое утро традиционный душераздирающий вопль оповещал окрестности, что Артур Дент проснулся и заново ужаснулся своему местоположению.

В его пещере царил холод (а также смрад и сырость), но это еще пол-ужаса. Главный же ужас состоял в том, что пещера находилась в лондонском районе Айлингтон и первый автобус в центр должен был отправиться примерно через два миллиона лет.

Время — это, так сказать, худшее место из всех, где только можно заблудиться. Артур Дент, с его богатым опытом блужданий по закоулкам пространства и времени, может утверждать это со всей ответственностью. Заблудившемуся в пространстве хотя бы не угрожает смерть со скуки.

Артур Дент застрял на доисторической Земле в результате извилистой цепочки происшествий, в процессе каковых он попеременно подвергался оскорблениям и/или расщеплению на атомы в разнообразных экзотических уголках Галактики, бесчисленность и странность которых превзошли все его ожидания. И хотя теперь его жизнь текла чрезвычайно ровно и спокойно, нервы Артура по-прежнему шалили.

Вот уже пять лет, как его не расщепляли на атомы.

Вот уже четыре года (со дня расставания с Фордом Префектом) Артур в общем-то ни одной души не видел, а потому и оскорблениям больше не подвергался.

За исключением одного случая.

Это произошло как-то весенним вечером года два тому назад.

Бредя в сумерках к своей пещере, Артур вдруг заметил за облаками странные вспышки. Он задрал голову к небу, и в его сердце робко закопошилась надежда. Спасение. Свобода. Несбыточная греза Робинзона — корабль.

И вправду — к его радости и изумлению, с небес, рассекая теплый вечерний воздух, тихо, как-то интеллигентно спустился длинный серебряный звездолет. Выдвинулись длинные опоры, совершая изящные балетные па во славу технического прогресса.

Звездолет легко опустился на землю, и его ненавязчивое гудение разом стихло, точно убаюканное вечерней тишиной.

Сам собой откинулся трап.

Из люка вырвался столб света.

В нем обрисовался силуэт высокой фигуры. Фигура сошла по трапу и остановилась перед Артуром.

— Ты козел, Дент, — промолвила она просто.

То был самый что ни на есть инопланетный инопланетянин. Чисто инопланетная долговязость, чисто инопланетная приплюснутая голова, чисто инопланетные глазки-щелочки, экстравагантно-складчатое золотое одеяние с воротником чисто инопланетного покроя и бледная, серо-зеленая инопланетная кожа, сияющая тем особым блеском, который дается большинству серозеленоликих субъектов лишь благодаря постоянному массажу и самому дорогостоящему мылу.

Артур невольно отпрянул. Существо невозмутимо смотрело на него.

Надежда и ликование в душе Артура вмиг сменились чувством крайней озадаченности. Сотни разных мыслей, расталкивая друг дружку, боролись за контроль над его голосовыми связками.

— А... мт... — выпалил он. — От... к-к-к... э-э... — добавил он немного погодя. — А... тв... в... кто... кто? — выдавил он наконец, после чего погрузился в неистовое (сродни неистовым воплям) безмолвие. Нешуточное это дело — обнаружить, что после неопределенно долгого периода молчания ты, оказывается, не отучился разговаривать.

Инопланетное существо, морща лоб, заглянуло в штучку вроде папки, которую сжимало в своих длинных, лианообразных инопланетных пальцах.

— Артур Дент? — переспросило оно.

Артур растерянно кивнул.

— Артур Филип Дент? — уточнило существо, деловито лязгнув зубами.

— Э-э... да... я... э-э-э... — подтвердил Артур.

— Ты козел, — повторил инопланетянин. — Никчемная дырка от бублика.

— Э-э-э?..

Существо кивнуло само себе, произвело чисто инопланетный щелчок застежкой папки и направилось к своему кораблю.

— Э-э... — в отчаянии выпалил Артур, — э-эй!

— И нечего тут! — рявкнул инопланетянин.

Он взошел по трапу и исчез в недрах корабля. Люк сам собой захлопнулся. Звездолет басовито загудел.

— Э-эй! — вскрикнул Артур и побежал на заплетающихся ногах к кораблю. — Подождите минутку! Что вы хотели? Эй! Да подождите же!

Корабль приподнялся, беспечно скинув свою тяжесть наземь, будто плащ, секунду повисел в воздухе — и унесся в вечернее небо. Он пронзил облака, на миг озарив их своим серебряным свечением, и исчез из виду Артура — одинокой букашки, бестолково скачущей на месте посреди бескрайней шири.

— Что? — вопил он. — Чего? Зачем? Эгей-гей! Ну-ка вернись и повтори!

Он подпрыгивал и выплясывал, пока его ноги не подкосились, взывал, пока не надорвал связки. Ответа не последовало. Некому было его услышать, некому было с ним поговорить.

Инопланетный корабль уже с треском прорывался сквозь верхние слои атмосферы, навстречу той ужасной пустоте с редкими-редкими материальными вкраплениями, из которой и состоит Вселенная.

* * *

Хозяин звездолета, инопланетянин с дорогостоящим цветом лица, развалился в единственном кресле рубки. Он звался Охмешконасыпатель Конца-Края-Не-Знающий, и был он индивидуумом с четкой целью в жизни. Не самой лучшей целью — в чем он сам первый признавался, — но эта какая-никакая цель как-никак давала ему какое-никакое занятие.

Охмешконасыпатель Конца-Края-Не-Знающий принадлежал — то есть принадлежит — к очень узкому кругу бессмертных обитателей Вселенной.

Те, кто рождается бессмертным, от рождения бессознательно свыкаются с этим своим свойством, но Охмешконасыпатель — не из их числа. Строго говоря, эту шайку бесчувственных вырожденков он давно уже возненавидел лютой ненавистью. На него самого бессмертие свалилось как снег на голову, в результате неудачного взаимодействия своенравного ускорителя элементарных частиц, банки с рассолом (то был утренний завтрак Охмешконасыпателя) и двух аптечных резинок. Мелкие подробности аварии не имеют значения, поскольку никому так и не удалось воспроизвести обстоятельства произошедшего, причем многие экспериментаторы при этом попали либо в дурацкое положение, либо на тот свет, либо и туда, и туда одновременно.

Охмешконасыпатель скорбно и устало прикрыл глаза, приказал бортовой стереосистеме какой-нибудь легкий

джаз и рассудил, что все бы ничего, если бы не воскресные дни, будь они неладны.

Вначале бессмертие пошло ему впрок. Он спорил с судьбой, лез на рожон, срывал цветы удовольствий и сумасшедшие деньги на высокодоходных долгосрочных сберегательных вкладах... в общем, давал всем жизни, как говорится.

Но вскоре в этом светлом существовании появилось нестерпимое темное пятно — воскресенья. Примерно в 14.55 тебя начинает обволакивать ужасная апатия: ты понимаешь, что уже принял все ванны, какие можно было принять с пользой для души и тела, что, сколько ни созерцай любой абзац газетного текста, ты не прочтешь ни строчки, не говоря уже о применении на практике новейшего, совершившего революцию в области стрижки кустарников метода, который в этой газете описан. И сколько ни гляди на циферблат, неумолимые стрелки вскоре передвинутся на четыре — час, когда начинается долгое, мутное и, что греха таить, безумное чаепитие души.

Итак, Охмешконасыпатель пресытился жизнью. Довольные улыбки, которыми он обычно озарял чужие похороны, стали какими-то натянутыми. В нем зрела ненависть к Вселенной в целом и каждому из ее обитателей в частности.

Вот тогда-то он и набрел на свою цель жизни, дело, которое не позволит ему впасть в спячку никогда-никогда (так ему, во всяком случае, казалось). А придумал он вот что.

Он решил оскорбить Вселенную.

То есть он решил оскорбить всех ее обитателей. Строго индивидуально, лицом к лицу, одного за другим и (тут он с особым сладострастием скрипнул зубами) в алфавитном порядке.

Когда его знакомые (даже у таких типов бывают знакомые) намекали, что план не только этически неприемлем, но и неосуществим — поскольку все время кто-то

умирает, а кто-то рождается, Охмешконасыпатель просто вперял в оппонента свой стальной взгляд и бурчал: «Что, и помечтать нельзя?»

Итак, он взялся за дело. Он обзавелся звездолетом, построенным на века, и бортовым компьютером, который умело управлялся со всей информацией о местоположении всех обитателей Вселенной, а также рассчитывал самые замысловатые маршруты полета.

Корабль пересекал орбиты планет Солнечной системы, намереваясь совершить пертурбационный маневр вокруг Солнца и, разогнавшись, выскочить в большой космос.

- Компьютер, — окликнул Охмешконасыпатель.
- Слушаю, — пропищал компьютер.
- Куда теперь?
- Вычисляю.

Охмешконасыпатель покосился на невероятную алмазную россыпь космической ночи. Биллионы крошечных миров-кристаллов огненной пылью припорошили тьму-бесконечность. И каждый, любой из них, встретится ему на пути. И на большей части из них он побывал уже миллионы раз.

На миг он вообразил свой маршрут в виде ломаной линии, связывающей все небесные огоньки, как на детских «загадочных картинках» с пронумерованными точками. И понадеялся, что с какой-нибудь туристической смотровой вышки Вселенной эта ломаная покажется каким-нибудь вопиюще неприличным словом.

Компьютер безголосо пискнул в знак окончания вычислений.

— Фольфанга, — сообщил он и снова пискнул. — Четвертая планета системы Фольфанга, — продолжил он. И пискнул. — Ожидаемое время в пути — три недели, — продолжил он. И пискнул. — Искомый субъект — некрупный слизняк, пискнул он, — из рода А-Рт-Ур-Еа-Ипдену. — Полагаю, — добавил он, сделав передышку на писк, — что вы решили обозвать его безмозглой задницей.

Охмешконасыпатель только хмыкнул. И перевел взгляд на чудо творения за иллюминатором.

— Пойду-ка вздремну, — проговорил он. Потом спросил: — Какие зоны вещания попадутся нам в ближайшие часы?

Компьютер пискнул.

— Космовидеотон, Мыслекинозал, Надомный Думатель, — известил он и пискнул.

— Нет ли фильмов, которых я не видел уже тридцать тысяч раз?

— Нет.

— Гм.

— Разве что «Психоз в космосе». Вы видели этот фильм всего лишь тридцать три тысячи пятьсот семнадцать раз.

— Разбудишь ко второй серии.

Компьютер пискнул.

— Приятных сновидений, — сказал он.

Звездолет несся сквозь ночь.

* * *

Тем временем на Земле под аккомпанемент дождя тянулся один из самых кошмарных вечеров в жизни Артура Дента. Он сидел в своей пещере, составлял каталог возможных отповедей наглому инопланетянину и давил мух — для них этот вечер тоже оказался кошмарным.

На следующий день Артур сшил себе сумку из кроличьей шкурки — под всякие полезные вещи.

Глава 2

С того дня прошло уже два года. Сегодняшнее утро выдалось благоуханным и ясным — в чем лично удостоверялся Артур Дент, выйдя из пещеры, которую именовал домом (за неимением как более подходящего

названия для нее, так и более подходящей для этого названия пещеры).

Хотя в горле у него привычно саднило от традиционного утреннего душераздирающего вопля, он внезапно пришел в великолепное расположение духа. Поплотнее запахнувшись в свой обтрепанный халат, он приветствовал доброе утро широкой улыбкой.

Воздух был прозрачен и душист. Ветерок осторожно ворошил высокую траву вокруг пещеры, птицы чирикали друг с дружкой, бабочки изящно порхали туда-сюда, и вообще вся природа из кожи вон лезла, стараясь произвести благоприятное впечатление.

Однако Артура воскресили не эти пасторальные радости. Ему только что пришел в голову великолепный способ победить ужас одиночества, кошмары, комплекс неполноценности из-за провала всех сельскохозяйственных начинаний и патологического отсутствия всякой будущности для него на доисторической Земле. Короче говоря, он вознамерился сойти с ума.

Еще раз широко улыбнувшись, он откусил кусочек от кроличьей ноги — остатка вчерашнего ужина. Блаженно разжевав мясо, он решил официально оповестить мир о своем решении.

Артур приосанился, взглянул миру прямо в поля и леса. Для вящей торжественности воткнул кроличью косточку себе в бороду. Широко развел руки.

— Я сойду с ума! — возгласил он.

— Недурная мысль, — заметил Форд Префект, соскальзывая с валуна, на котором сидел.

Мозг Артура совершил сальто-мортале внутри черепной коробки. Его челюсти начали делать отжимания.

— Я тут тоже прыгнул с ума на время, — заявил Форд. — Пользительное занятие.

Глаза Артура пошли колесом.

— Знаешь, — сказал Форд, — я...

— Где ты шатался? — прервал его Артур, чья голова все-таки покончила с физкультурной разминкой.

— Нынче тут, завтра там и кое-где еще, — сообщил Форд. И ухмыльнулся с хорошо рассчитанной издевкой. — Я тут временно спустил свой разум с цепи, предполагая, что, если я миру дико понадобится, он призовет меня обратно. Так и вышло.

Форд вытащил из своей жутко обтрепанвшейся и донельзя замызганной сумки субэфирный чуткомат.

— По крайней мере мне так кажется. Эта штука недавно проснулась. — Форд встряхнул прибор. — Если тревога ложная, я сойду с ума, — добавил он, — еще разок.

Мотнув головой, Артур сел на землю и поглядел на Форда снизу вверх.

— Я думал, ты умер... — вырвалось у него.

— Одно время я так тоже думал, — подхватил Форд, — а потом на пару недель решил, что я — лимон. Ужасно повеселился — все две недели только и знал, что бултыхался в джине с тоником.

Артур откашлялся. А потом откашлялся еще раз.

— Где же ты...

— Отыскал джин с тоником? — радостно продолжил за него Форд. — Я отыскал озерцо, которое думало, что оно джин с тоником, и стал в нем бултыхаться. По крайней мере я думаю, что оно думало, что оно джин с тоником... Есть вероятность, — добавил он с ухмылкой, от которой самые хладнокровные люди с воем полезли бы на деревья, — что мне это всего лишь примерещилось.

Он подождал реакции Артура, но тот лишь благоразумно обронил:

— Давай дальше.

— Я, собственно, хочу сказать, — продолжал Форд, — что нет смысла доводить себя до безумия стараниями это

безумие избежать. С тем же успехом можно покориться судьбе, а здравый рассудок поберечь на потом.

— А сейчас ты опять в здравом рассудке? — поинтересовался Артур. — Я просто так спрашиваю, для информации.

— Я был в Африке, — заявил Форд.

— Ну да?

— Ну да.

— Ну и как там?

— А это что, твоя пещера? — спросил Форд.

— Мм... да, — ответил Артур. Его раздирали противоречивые чувства. После четырех лет полного одиночества он был до слез рад видеть Форда живым и невредимым. С другой стороны, присутствие Форда, как всегда, почти немедленно начинало давить на нервы.

— Мило-мило, — высказался Форд о пещере Артура. — Должно быть, она тебе донельзя обрыдла.

Артур не потрудился ответить.

— В Африке было очень интересно, — заявил Форд. — Я там здорово начудил.

Он задумчиво уставился вдаль.

— Я занялся издевательствами над животными, — проговорил он беззаботно. — Но только в порядке хобби.

— Только-то? — опасливо уточнил Артур.

— Только, — заверил его Форд. — Не буду беспокоить тебя подробностями, а то они...

— Что «они»?

— Обеспокоят тебя. Но возможно, тебе любопытно будет узнать, что твой покорный слуга единолично ответственен за удлиненную форму животного, которому в будущих веках дадут имя «жираф». А еще я пробовал научиться летать. Ты мне веришь?

— Расскажи, — сказал Артур.

— Потом расскажу. Пока я только процитирую «Путеводитель»...

— «Пу...»?

— «Путеводитель». «Автостопом по Галактике». Ты что, не помнишь?

— Помню. Я его в реку выбросил.

— Да, только я его выудил, — сообщил Форд.

— Ты мне не сказал.

— Ага, чтоб ты его опять выбросил?

— Разумно, — сознался Артур. — Ну и что «Путеводитель»?

— В смысле?

— Ты хотел процитировать.

— В «Путеводителе» написано, что полет — это искусство, а точнее сказать, навык. Весь фокус в том, чтобы научиться швыряться своим телом в земную поверхность и при этом промахиваться.

Устало улыбнувшись, Форд указал на свои брюки и воздел руки, чтобы продемонстрировать локти. Ткань в этих местах изобиловала дырами и потертостями.

— Покамест я недалеко продвинулся, — сказал он и протянул Артуру руку. — Я ужасно рад вновь тебя видеть.

Артур, растроганный и недоумевающий, только замотал головой.

— Я столько лет никого не видел, — заговорил он, — просто ни единой души. Еще чуть-чуть — и я разучился бы разговаривать. Слова все время забываю. Вообще-то я практикуюсь. Для практики я разговариваю с этими... ну как их там... как называются эти, с которыми разговариваешь, когда с ума сходишь? Ну как Георг Третий.

— Короли? — подсказал Форд.

— Да нет же, — возразил Артур. — Эти самые, с которыми он разговаривал. Господи, здесь же их полным-полно. Я сам посадил сотни. И все засохли. Деревья! Я практикуюсь в разговорах с деревьями. Ты это за-